А.А.Гогешвили

СТАРОФРАНЦУЗСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС И "СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

Когда гуманитарные и общественные науки вынуждены некоторый период развиваться, а точнее, влачить существование в условиях жесткого идеологического прессинга, очень полезно возвращаться к повторному рассмотрению и анализу результатов, полученных в этот период, поскольку совершенно естественно предполагать, что они определялись или, по крайней мере, интерпретировались в соответствии со старой и печальной истиной — quod principi placiut, legis habis vigo-rem. Так обстоит дело и в той специальной области истории русского языка и культуры, той комплексной дисциплине, которая изучает "Слово о полку Игореве" и которая, право, заслужила право называться "Слововедением" и даже лучше бы без всяких кавычек.

Специалистам и людям заинтересованным не надо напоминать о яростных баталиях 50—60-х гг., развернувшихся вокруг проблемы оригинальности и виргинальности предмета национальной гордости, чудом сохранившегося свидетельства существования древнерусской эпической поэзии, причем поэзии удивительно высокой пробы. Одним из аргументов, выдвигавшихся скептиками позднейшей поры (А.Мазон, А.А.Зимин, несколько ранее — М.И.Успенский, Дж.Феннел и некоторые другие) в доказательство позднего происхождения Мусин-Пушкинского текста "Слова" (в дальнейшем в необходимых случаях — С 1800), являлась, по их мнению, несомненная зависимость стилистики, прежде всего, фразеологии и других нарративных и художественных компонентов С 1800 от "Поэм Оссиана" Джеймса Макферсона. На том же настаивал один из первых скептиков О.И.Сенковский: «Над "Словом о полку Игоря" носится в нашем уме сильное подозрение в мистификации, оно крепко пахнет Оссианом; его фразы словно выкроены по Макферсоновым; его обороты и выражения большею частью принадлежат слогу XVIII в.[1]. Надо отметить, что и верные поклонники, можно даже сказать, апологеты и пропагандисты "Слова" (Н.М.Карамзин, М.М.Херасков), не раз указывали на сходство поэтических приемов автора "Слова" и Макферсона, более того, — сами первоиздатели не сомневались, что "Любители Россійской словесности согласятся, что въ семъ

оставшемся намъ отъ минувшихъ вѣковъ сочинении видѣнъ духъ *Оссіановъ*, слѣдовательно и наши древние герои имѣли своихъ *Бардовъ*, воспѣвавшихъимъ хвалу»[2].

В советском "Слововедении" первые скептики задним числом заработали устойчивые и очень "способствующие" объективной научной дискуссии эпитеты и характеристики. За ректором Московского университета и академиком М.Т. Каченовским прочно закреплено было определение — "*злой зоил*", высказанное, кстати, Пушкиным совсем по другому поводу, а скептическое мнение О.И. Сенковского, чл.-корреспондента Петербургской АН, филолога и этнографа, владевшего многими европейскими и восточными языками, аннигилировалось самоуверенно-презрительным — "*обывательский уровень суждений*". Об инсинуациях, выпавших на долю А.Мазона (только что не "*агент империализма*"), я просто не хочу говорить. Однако такие "сильные научные доводы" закономерно вызывают желание выяснить, каким образом образованнейшие люди пушкинской эпохи (Херасков, Карамзин, Каченовский, Сенковский, Давыдов и др.) и такие признанные авторитеты в русистике и славяноведении, как проф. Мазон могли так опростоволоситься, так грубо ошибаться в определениях факта сходства межу С 1800 и творениями Макферсона. Поскольку скептики, а тем более защитники аутентичности "Слова", заниматься этим, — что показалось мне весьма странным, — в своем увлечении политизированной полемикой никогда всерьез не собирались, труд сплошного сопоставления содержания и поэтической субстанции всех произведений "почтенного", но притом весьма утомительного для нынешнего восприятия, сентиментального до приторности "каледонского барда" пришлось взять на себя. Такой сопоставительный анализ в соединении с оценкой исторической, литературной и культурной ситуации XVIII в. в России и Западной Европе в плане возможности возникновения подделки литературно-исторического раритета позволил прийти к очень интересным результатам: не то чтобы "Слово" просто "крепко пахнет Оссианом", но ультрапатриотам впору предполагать, что Джеймс Макферсон, кроме заимствований у Гомера, Виргилия, Ариосто, Мильтона и других авторов самых различных эпох, бессовестно списывал у авторов "Слова" и "Задонщины"; можно также было бы заявить в ключе недавнего стиля нашей компаративистики, что несомненные и прямо-таки возмутительные параллели и даже тождества во фразеологии, образах, мотивах и сюжетных элементах "Слова о полку Игореве" и "Поэм Оссиана" возникли в результате "враждебных происков буржуазных ученых-космополитов, всеми способами стремящихся принизить величие и самобытность русской литературы и культуры в целом".

Если же говорить серьезно, то результаты сравнения могут быть кратко охарактеризованы следующим образом:

— Культурно-историческая конъюктура в европейской политике, литературе, искусстве и историографии эпохи открытия "Слова о полку Игореве" была весьма благоприятна для создания подделок всех родов и видов. Бесчисленные "открытия" старинных рукописных памятников прокатились волной по Европе: в конце XVIII и начале XIX вв. разразилась настоящая пандемия литературных подлогов, обманов и подделок. В число таковых нужно включить сочинения английского поэта Т.Чаттертона — "Бристольская трагедия", "Элла" и др., — которые он выдавал за найденные в монастырской библиотеке старинные рукописи, псевдосредневековую "Поэзию Клотильды" французского маркиза Ж.-Э. де Сюрвиля, стилизацию и прямую подделку "народных песен древних бретонцев" де ла Вильмарке и многое другое. Открытие "Слова о полку Игореве" в России несомненно сыграло инициирующую роль в обращении Вацлава Ганки к стилизационным подделкам старочешских летописных и поэтических текстов. О не менее продуктивной деятельности русских фальсификаторов и стилизаторов XIX в. можно узнать из работы А.И.Пыпина — Подделки рукописей и народных песен (СПб., 1898).

Литературные подделки и стилизации стимулировались патриотическими устремлениями в соединении с политическими целями, модой на "старину" и, не в последнюю очередь, меркантильными интересами. К этому всеевропейскому ажиотажу надо добавить специфику XVIII-го — "героического века" России с его пробудившимся интересом к отечественной истории и древнерусской литературе, создававшим престижность положения собирателя и открывателя отечественных историко-литературных раритетов, с ростом национального самосознания и с рождением "новой" эпической поэзии, откликавшейся на громкие победы в войнах со Швецией и Турцией бесчисленными торжественными одами, поэмами и "ироическими песнями" во славу Петра, Потемкина, Румянцева, Суворова и других полководцев бурной екатерининской эпохи. Античные реминисценции в "Слове" могут быть отнесены и к XVIII в. в свете того факта, что со времен Петра и не без участия его властной руки сюжеты и темы древнегреческой и латинской классики, образы и имена римских богов и героев в аллегорических и символических функциях получили широкое распространение в русской литературе XVIII в., и прежде всего — в тех самых панегирических одах и "ироических поемах", проникли в обиходную речевую практику образованных слоев общества, стали своеобразным показателем светскости и "бонтонности".

— Установление неаутентичности высокохудожественной подделки — трудная задача даже для высококвалифицированных специалистов. Категоричные заключения о подлинности произведения признанных знатоков в соответствующей области, экспертов с миро-

вым именем, как показала деятельность голландского художника Хана ван Меегерена, нередко завершаются для них сокрушительным конфузом. И Макферсону удалось ввести своей стилизацией в заблуждение на первых порах всю Европу прежде всего потому, что в своих сборных композициях он использовал первоклассный поэтический материал, по сути, — золотой фонд тропов, мотивов и образов всей античной и средневековой поэзии, умело комбинируя многочисленные и разные источники и наведя на свое создание маскирующую ретушь национально-фольклорной традиции.

- Между "Словом о полку Игореве" и произведениями Макферсона устанавливаются следующие ясно различимые корреляции:

- Сходство на сюжетном уровне, главным образом, между "Словом" и "Фингалом" (тематическая идея "гибельного, несчастливого похода"), поддерживаемое общностью набора фабульных элементов и мотивов, как-то — вторжение иноземцев, патриотические призывы выступить на защиту отечества, междуусобная борьба за власть, сцены выступления в поход с картинами "устроения полков" и военным парадом, батальные картины, описания зловещих знамений и снов, образы самонадеянного молодого воителя-бахвала и юного самоотверженного храбреца, гибнущего в одиночку без братской помощи, образ убеленного серебряной сединой мудрого и опытого правителя, сетующего на плохие времена и раздоры среди своих вассалов, противопоставления старого и нового поколения властителей и песнетворцев-бардов, дедов и внуков.

- Полная аналогия в жанровом и композиционном аспектах: смешение плачей и слав, "прерывистая" манера изложения с многочисленными историческими и лирическими отступлениями, ослабленность фабулы, невнимание к событийной линии повествования.

- Псевдоязыческое впечатление, которое производят при поверхностном подходе поэмы Оссиана и "Слово о полку Игореве", при сильнейшей зависимости поэтики и авторских морально-этических позиций от Библии.

- Сходство по сильно выраженному авторскому началу в "Слове" и произведениях Макферсона, лиризму и "психологизму", отражающемуся в активном вовлечении пейзажно-природных элементов в логику и эмоциональный ряд повествования.

- Сходство просодических характеристик: ритмичная проза, периодически сменяющаяся участками, близкими к стихотворной структуре. Бесспорное сходство на звукописном уровне в части использования Макферсоном аллитерационных связей и внутренних комплексных созвучий.

- Обширные и очень близкие совпадения в поэтическом лексиконе, на фразеологическом уровне, в образно-метафорических характеристиках персонажей, фабульных ситуаций, микротем и мотивов, в ряде случаев пока не поддающиеся объяснению путем сведения к из-

вестным нам и указываемым Макферсоном, под видом типологических аналогий, литературным источникам.

Не имея возможности привести здесь развернутое изложение в защиту всех высказанных положений, приведу доказательства их справедливости только на лексико-стилистическом и образно-метафорическом материале в виде наиболее легко воспринимаемых фразеологических и синтаксических параллелей, характерных тропов и формульных оборотов.

В их числе: "Фингал... и Коннал ... словно два столпа огневых"[3] (Фингал. Кн. V. С. 56); — ср., о Игоре и Всеволоде: **Оба богряная столпа погасоста;**

"Вихрь с возмущенного моря рассеял густой туман" (Фингал. Кн. II. С. 30); — **прысну море полунощи, идутъ сморци мьглами;**

"Тогда Фингал взглянул на вождей своих" (Фингал. Кн. III. С. 37); — **Тогда Игорь вѣзрѣ на свѣтлое солнце...;**

"Они (барды) воспевали... вождей минувших времен" (Фингал. Кн. III. С. 41); — **Боянѣ бо вѣщ ий ... пѣс(н)ь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу** и т.д.;

"Дуб отряхнул листву вокруг меня (Фингал. Кн. IV. С. 45); — **а древо не бологомъ листвие срони;**

"Щиты темно-бурые раскολоты надвое и, дробясь, разлетается сталь их шлемов. Они бросают наземь оружие" (Фингал. Кн. V. С. 51); — **Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя..., сулици своя повр ъг оша, а главы своя поклониша...**

"Над нею склоняется древо" (Фингал. Кн. V. С. 56); — **А древо съ тугою къ земли преклонилось;**

"Вернется ли вновь Оссианова юность... (Макферсон. Война Инис-тоны. С. 77); — **А чи диво ся, братие, стару помолодити?**

"...пошли они как грозовые тучи... их края обвивает молния" (Война Инис-тоны. С. 79); — **чръная туча съ моря идутъ а въ нихъ трепещутъ синии млъннии;**

"О бард старинных времен..." (Темора. Кн. I. С. 178); — **О Бояне, соловию стараго времени;**

"Сила лесов полегла под его копьем" (Суль-мала с Лумона. С. 253); — **Уже пустыни силу прикрыла...;**

"Не было рядом с тобой ни щита Кухулина, ни копья твоего отца. Благословенна будь душа твоя, Кормак, юным померкнул ты!" (Темора. Кн. I. С. 178);

Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода. Одинъ же изрони жемчюжну душу...

"Часто я бился и часто победу одерживал в битвах копий. А ныне слепой, и скорбный, и беспомощный я скитаюсь с людьми ничтожными. Ныне, Фингал, я не вижу тебя с твоим воинственным племенем" (Фингал. Кн. IV. С. 43). Вспомним сетования старого Святослава, который и не дал бы своего гнезда в обиду, да окружен

"людьми ничтожными" — князьями, занятыми своими эгоистическими интересами, говорящего своему брату Ярославу черниговскому: **А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и много вои брата моего Ярослава с его татранами, шельбирами и** прочими "воинственными племенами".

"Фингал, о муж битвы! Рано ты начал совершать бранные подвиги". И еще раз: "Рано ты в славе сравнялся с твоими отцами" (Темора. Кн. III. С. 195); — **О моя сыновчя Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити...**

"Он вспоминает старинные брани, когда бились его отцы! "(Темора. Кн. III. С. 195), ср. "**помняшеть бо, рече, първыхъ временъ усобице**".

Здесь приведена только часть из выявленных лексико-стилистических параллелей, но и она, полагаю, достаточна, чтобы прийти к выводу, что суждения так называемых скептиков находились на не столь уж "обывательском уровне".

Конечно, это не значит, что их мнения о прямой зависимости "Слова" от "Поэм Оссиана" так же основательны, как их ощущения близкого сходства поэтических характеристик текста С 1800 и сочинений шотландского мистификатора, как их интуитивные прозрения, что автор "Слова" был неплохо знаком с латинскими классиками, с Вергилием и Горацием, с Цицероном и Квинтиллианом.

В 1792 г. вышло русское двухтомное издание оссиановских поэм в переводе Е.И.Кострова, хотя первое знакомство с творчеством "шотландского барда" состоялось в России почти одновременно с английским изданием произведений Макферсона. Переводы Кострова легли в основу русской моды на поэзию Оссиана, которая оказала сильное влияние на творчество Г.Р.Державина, Н.М.Карамзина, В.А.Озерова, Н.Гнедича и самого Пушкина.

Нельзя отрицать, что в чисто хронологическом аспекте существует возможность прямого влияния творчества Макферсона на поэтику списка Мусина-Пушкина, первые признаки существования которого обнаруживаются в конце 80-х -самом начале 90-х гг. XVIII в. Однако из отмеченных бесспорных сходств наиболее корректным в методологическом отношении и максимально продуктивным будет вывод не о зависимости "Слова о полку Игореве" от "Поэм Макферсона" или, в шутку, вторых от первого, а совершенно естественное предположение о некоторой общности литературных источников, определивших основные составляющие нарративной части и поэтических составляющих стиля обоих произведений.

Это довольно утомительное штудирование "центонно-синтетической" поэзии Дж.Макферсона, хотя и продуктивное само по себе хотя бы в плане оценки "объективности" методов сопоставления "Слова" с другими литературными памятниками, позволило, главное, существенно уточнить круг литературных источников, которые по-

тенциально могли участвовать в формировании сюжетообразующей идеи "Слова о полку Игореве", его содержания, поэтики и стилистической фактуры.

Назовем в первом приближении эти общие источники, определившие принципиально сюжетно-тематические, образные и стилистические основы "поэм" Макферсона, и которые, по нашим предположениям, сыграли аналогичную роль в "Слове о полку Игореве". С учетом некоторых хронологических ограничений в применении к "Слову" в числе этих источников можно назвать следующие: 1) — античная литература в ее эпическом, трагедийном и риторико-философском проявлениях или же, — в некоторой части сюжетобразующих доминант, устойчивых мотивов и образно-стилистических характеристик, — ее трансформированные отражения в западноевропейском раннесредневековом героическом эпосе; 2) — в составе последнего — с наибольшей вероятностью — старофранцузский рыцарский эпос XI–XII вв. при возможном участии или посредстве ранней германской или скандинавской героической поэзии и, наконец, а вернее, в первую очередь, Библия как постоянная база для историко-политических и морально-этических рецензий и как прямой источник значительной части образов и фразеологии.

Разумеется, все три группы источников уже назывались и привлекались отечественными и зарубежными исследователями для изучения литературного фона "Слова о полку Игореве". Сенковский одним из первых отметил в "Слове" следы влияния античных авторов, в частности — извлечения из Овидия, Горация и Вергилия и, по нашим наблюдениям, был очень близок к истине. Однако наиболее объемная разработка античных аллюзий и реминесценций в поэтике "Слова" по праву связывается с именем П.П.Вяземского[4]. Позднее поиски аналогий мотивам и образам "Слова" в античной греческой литературе продолжали В.Н.Чепелев и особенно радикально настроенная Ю.Бещарова. В связи с разработкой проблемы "Трояни" некоторые из концептуальных положений и взглядов Вяземского получили в 80-х гг. активного защитника и продолжателя в лице видного итальянского слависта Р.Пиккио[5]. Отношение же советской науки к античному направлению в источниковедении "Слова" исчерпывающе характеризуется в свежеизданной Энциклопедии "Слова о полку Игореве": "...вопрос о прямом влиянии античной литературы на Слово может всерьез обсуждаться лишь в том случае, если расценивать поэму как позднейшую стилизацию или фальсификацию. Обращение книжника XII в. за источниками вдохновения к сочинениям древнегреческих или латинских авторов было бы из ряда вон выходящим фактом, который потребовал бы коренного пересмотра всей истории древних славянских литератур»"[6]. Оставляя на время в покое проблему влияния Гомера и Вергилия на "Слово", не интересуясь, почему Кретьен де Труа, Бенуа Сент-

Мор, Вас, в отличие от автора "Слова", могли широко использовать античное наследие, можно задать и более радикальный вопрос: неужели автор этих строк всерьез считает, что существующие курсы древнерусской литературы, оставляющие практически без рассмотрения огромный массив церковно-христианской литературы, богословие, гомилевтику и гимнографию, без которых невозможно понять и осмыслить историю и становление, например, русской литературы и поэзии XIX в., да и новейшего времени, а в конечном счете — всей русской культуры, не нуждаются в срочном и основательном пересмотре?

В свое время Ватрослав Ягич писал: "Помимо литературы латинской, нет другой европейской литературы, которая наравне бы со старославянской в ее трех отраслях: болгарской, сербской и русской — усвоила в весьма древнем переводе весь огромный запас библейско-богословско-литургических произведений христианизированных греков." П.Б.Струве так комментирует это высказывание Ягича: "Это значит: национальное усвоение эллинско-христианской культуры славянами, только что принявшими христианство, было весьма интенсивным."[7] В замечании Струве мне представляется особенно значимым это свежее (для нынешнего поколения, конечно) и емкое определение — "эллино-христианская культура". Думается, оно имеет прямое отношение к некоторым, непостижимым для иных авторитетов, загадкам поэтики "Слова о полку Игореве", касающимся художественного синтеза античных реминесценций и библейских парафраз в нем.

В неблагодарной и небезопасной до последнего времени области сопоставления стилистических, образно-метафорических и нарративных компонентов "Слова о полку Игореве" и Библии наиболее объемные и систематические наблюдения, хотя и не по всем библейским книгам, проведены В.Н.Перегнем[8], у которого после его печального опыта не находилось в советское время, по понятным причинам, слишком ревностных и многочисленных продолжателей. Из более ранних исследователей следует упомянуть Н.Ф.Грамматина, А.В.Лонгинова и талантливого дилетанта Г.М.Бараца[9], многие из верных находок которого не получили достойной оценки и признания, будучи скомпрометированными общей неряшливостью, тенденциозностью и низкой научной культурой его публикаций. В 80-х гг. вышла статья В.В. Кускова, продолжившего наблюдения за библейскими отражениями в тексте "Слова"[10]; Е.Н.Сырцова в осторожной еще форме, но довольно аргументированно оспорила a priori тезис Д.С.Лихачева о том, что "христианские представления для автора "Слова" лежат вне поэзии"[11].

В отечественном "Слововедении" не раз высказывалась идея о влиянии на художественную систему "Слова" западноевропейской средневековой поэзии в широком ее диапазоне, начиная от прован-

сальской лирики и кончая скандинавскими сагами и скальдическими висами и драпами. Однако, как отмечала В.Дынник, "комплексный анализ "Слова", взятого не в отдельных элементах, а во всей его идейно-художественной целостности, приводит к мысли о том, что из известных нам произведений западноевропейской героической поэзии ближе всего к "Слову" стоит не скандинавский эпос, а "Песнь о Роланде", совершенннейший образец французских "chansons de geste"[12]. Ранее близость "по рыцарскому духу" и художественному строю французского и древнерусского памятников отмечал В. Каллаш. В 80-х гг. в нескольких последовательно публиковавшихся, насыщенных фактическим материалом работах А.Н.Робинсон рассмотрел содержательные и художественные компоненты "Слова о полку Игореве" в сопоставлении с таковыми в синхронных или близких ему по номинальному времени возникновения литературных памятниках средневековой героической поэзии Западной Европы, Грузии, Японии и тюркского эпоса[13]. Работы А.Н.Робинсона существенно расширили литературную базу компаративистики "Слова" и позволили выделить в составе его поэтики важную идею или тему "рока", "проклятия", тяготеющего над княжеским родом Ольговичей, тему фатальной зависимости их судьбы от солнца, от солнечных затмений. Подчеркивая в своих выводах прежде всего культурно и социально обусловленное типологическое сходство всех средневековых памятников подобного рода, Робинсон включал "Слово" в один типологический ряд с "Песнью о Нибелунгах" и, в частности, с "Витязем в барсовой шкуре". На наш взгляд о сходстве поэтики "Слова" и "Витязя в барсовой шкуре" можно говорить только с большой натяжкой: как раз в типологической диахронии поэма Руставели представляет собой следующий за "суровым" раннесредневековым героическим эпосом стадиальный этап, очень близкий западноевропейскому стихотворному авантюрно-куртуазному рыцарскому роману. Отчетливые признаки развитого, "высокого" Реннесанса в нравах и идеалах героев грузинского стихотворного романа, блестящая и отточенная стихотворная форма, близнецовое сходство образов впадающих в любовное безумие Тариэла и Orlanbo furioso у Ариосто, подобие их странствий по всему свету в поисках утраченной возлюбленной очевидны и настолько удивительны, что требуют основательного пересмотра существующих оценок уровня развития грузинской поэзии конца XII в. или времени создания "Витязя в барсовой шкуре". Злоупотребления типологическими доводами сами составляют типологическую характеристику советского исторического литературоведения. Сведение "разительных", по выражению В. Дынник, параллелей в содержании и художественных средствах к чисто типологическому сходству проявлялось и до сих пор проявляется при сравнении "Слова о полку Игореве" со старофранцузской жестой.

Декларированная в названии тема сопоставительного анализа "Слова о полку Игореве" и французского героического эпоса, как одного из литературных источников художественной системы и содержания "Песни о деяниях Игоря Святославича", требует для своего раскрытия многостраничной монографии, которая, может быть, когда-нибудь появится, если не у нас, так во Франции. Настоящее же сообщение носит конспективный и заявочный характер, излагая лишь малую часть разработки, касающуюся, в основном, только проблемы возникновения замысла и формирования идейной и сюжетно-фабульной основы древнерусской поэмы. Однако уже накопленный материал позволяет высказать несколько существенных для герменевтики "Слова о полку Игореве" положений, связанных непосредственно с корреляциями старофранцузского рыцарского эпоса и древнерусской поэмы. Важнейшие из них могут быть предварительно сформулированы следующим образом:

"Слово о полку Игореве", перефразируя заключительную мысль статьи В. Дынник, "не только гениальное произведение русского поэтического искусства", но и полноправный характерно-типический компонент в истории христианско-героического эпоса европейских народов.

На самом высоком и общем идеологическом уровне стимулирующим фактором его создания явилась идея противостояния западного христианского мира агрессии мусульманского и языческого Востока, мира "неверных", "поганых" сарацин, мавров, половцев и т.д., получившая новый толчок в атмосфере крестовых походов, в особенности на фоне "обид сего времени", после отвоевания в 1187 г. султаном Салах эд-Дином Иерусалима и перехода в руки "неверных" главных христианских святынь, включая гроб Господень. Предельно лаконичное, но недвусмысленное указание на эту атмосферу читается в строках обращения к Ярославу Галицкому — **стѣляеши... салтанов за землями...; Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую...**

"Странный", непонятный для многих литературоведов выбор автора "Слова", положившего в сюжетно-фабульную основу своего произведения тему неудачного похода малоизвестного новгородсеверского князя против "поганых", завершившегося полным разгромом, связан, по моему мнению, с вышеуказанным I фактом провала второго крестового похода и дает дополнительные данные для датировки времени создания "Слова". Едва ли случайно совпадает официально объявленный день (23 апреля, день св. Георгия, покровителя рыцарей и пилигримов) выступления в третий крестовый поход Фридриха Барбароссы в 1189 г. и князя Игоря в 1185 г. То, что св. Георгий являлся небесным патроном Игоря Святославича, тоже, конечно, необходимо учитывать при оценке соответствия действительности даты, указанной в Ипатьевской летописи. После многообе-

щавшего начала претворения замыслов крестоносцев на Ближнем Востоке падение Иерусалима осознавалось как трагическое событие, как поражение всего христианского мира, создавало соответствующее умонастроение эпохи и давало моральный повод требовать объединения всех сил, "побораующих за христьяны на поганыя полкы", призывать к реваншу за поражение и унижение. Сущность призывов "Слова" и церкви к русским князьям прекратить внутренние распри и отмстить "за обиду сего времени", за землю Русскую, практически синхронных кампании по подготовке третьего крестового похода (1189—1192) в Западной Европе, очень мало отличается от содержания булл и призывов святейшего апостольского престола к западноевропейским монархам и феодалам отказаться от внутренних войн между собой на период крестовых походов и объединиться в борьбе за освобождение гроба Господня от "неверных". Как известно, обе эти "идеологические кампании" были не очень эффективны.

При всем ярко выраженном индивидуально-авторском и национальном начале в структурном отношении "Слово" представляет собой типичную для средневековой литературной действительности центонную композицию, причем центонный принцип проявляется на всех структурных уровнях: на уровне глобальном, определяющем идейную направленность произведения, на сюжетно-фабульном, в использовании канонизированого, устоявшегося набора ситуационных положений, образов, мотивов, тропов и формульных выражений и общих мест, характерных для европейской литературы рассматриваемого периода.

Ряд факторов заставляет думать, что автор "Слова" был хорошо знаком с французской эпико-героической поэзией именно переходного между вторым и третьим периодом (по З.Н.Волковой) существования французской эпической традиции, когда уже установилась письменная фиксация устных героических сказаний и жест и начинала проявляться тенденция их литературной обработки, насыщение их античными аллюзиями и реминесценциями, но еще не развились характерные черты и признаки позднейшего стихотворного рыцарского романа. В этой связи как на датирующий фактор укажем на присутствие в "Слове" и в жестах аллюзий и парафраз античных мотивов и формул. Принципиальная же связь со старофранцузской героической жестой устанавливается, в основном, по специфическому сочетанию общей идейной направленности с нетривиальным выбором сюжетной основы "Слова о полку Игореве": борьба с "погаными" и неудачный, закончившийся полным поражением поход малоизвестного удельного новгородсеверского князя. Прежде всего заметим, что важнейший и наиболее известный памятник старофранцузского христианско-героического эпоса — "Песнь о Роланде" построен на такой же тематическо-сюжетной основе "неудачного" похода против "неверных" и "гибельного" сражения, и в нем не случайно обнару-

живается значительное количество аналогий и параллелей к "Слову" по содержанию и форме. Однако накопленный нами сравнительный материал дает основания полагать, что в "Слове о полку Игореве" в значительно большей мере нашел отражение цикл героико-эпических поэм, который обозначается А.Д.Михайловым как "Жеста Гильома Оранжского", начавший складываться в середине-конце XI столетия, и что важно — примерно на сто лет ранее "Слова". А.Д.Михайлов пишет по поводу формирования "Жесты Гильома Оранжского": "Ядром сюжета "жесты" (или одним из его ядер) стали события из жизни не очень видного политического деятеля рубежа VIII и IX вв. К тому же — не его громкие победы над "неверными", а скорее поражение, едва не обернувшееся катастрофой. Но по ходу эволюции "жесты", то есть мифологизации истории, судьба героя получает совершенно иной смысл. Переосмысление это бесспорно носило компенсаторный характер"[14]. Стопроцентная приложимость этого суждения к фабульной основе "Слова о полку Игореве" весьма знаменательна, так же как реально-историческая немотивированность и "компенсаторный характер" оптимистического радостного финала "Слова" с его громкими "славами" участникам позорно провалившегося похода.

Возвращаясь к параллелям на сюжетном уровне, укажем, что по числу совпадающих ситуационных и психологических коллизий, портретных характеристик персонажей, устойчивых мотивов и характерных стилистических нюансов "Слово" обнаруживает близость преимущественно к сюжетным основам и типичным мотивам такой жесты, как "Алисканс" и ее частичным отражением в начальной части "Песни о Гильоме". Хотя эти соответствия носят далеко не прямой, не однозначный характер, некоторые показательные детали (мотив палящего солнца, мотив жажды, совершенно непонятное без обращения к указанным жестам упоминание в "Слове" моря и залива (Лукоморья), гибель всего русского воинства и пленение главных персонажей из числа предводителей) указывают на то, что в формировании первой части сюжетного ядра "трудной повести" о битве на Каяле ощутимо сказалось влияние французских эпических поэм, посвященных трагическим событиям кровавой эпической битвы при Ларшане-на-море.

Без комментария заметим, что тема обреченного, изначально гибельного похода, сопровождающегося мрачными предсказаниями и знамениями, в качестве сюжетной основы литературного произведения проходит в глубокой ретроспективе через такие этапы, как средневековые парафразы троянского и фиванского циклов, через испанские "Песни о семи инфантах Лара" и "Роман о Фивах" неизвестного поэта нормандской школы, ранее, в римской литературе — через "Фиваиду" Стация и трагедии Сенеки, а в конечном счете берет свое начало в древнегреческом мифе и трагедиях Эсхила

"Семеро против Фив" и, в особенно четкой и различимой форме — в "Персах".

"Оптимистическая" часть сюжетной линии "Слова", касающаяся освобождения и описания побега Игоря из половецкого плена, по нашему мнению, тесно связана с элементами фабулы жесты "Монашество Гильома". Вызволение Гильома из плена, из подземной темницы сарацинского короля Синагона в некоторых деталях сильно напоминает освобождение Всеслава из поруба, а вещий сон Гильома, в котором "откровенье ему явил Господь", что он наконец обретет свободу, перекликается со строками "Слова" о полудреме Игоря, с тем, что "Игорю князю Бог путь кажет из земли Половецкой на землю Русскую". Наконец, образ французского "кормщика Ландри", помогающего Гильому освободиться из плена и подводящего бежавшему графу коня, действительно "разительно" схож с образом Овлура или летописного Лавора. И едва ли случайна такая близость имен помощников в освобождении Гильома и Игоря. По всей вероятности, русский Лавр или Лавер — прямая, лишь фонетически приспособленная калька французского Ландри. Если верно это утверждение, то мы в праве предполагать, что французский героический эпос оказал влияние и на раннее русское летописание. Содержательный и стилистический анализ летописной повести о походе Игоря Святославича, известного сказания о единоборстве Кожемяки с печенежским богатырем-великаном дает целый ряд аргументов в пользу этого предположения (в названых источниках совпадают датирующие формулы типа "подъ вечеръ въ понедельникъ", "съ зарания въ четвергъ", мотив "изумления" проснувшейся рати Игоря при виде окруживших со всех сторон русичей половецких полков и "удивления" французского воинства, окруженного на рассвете бесчисленными сарацинскими отрядами, покаянная речь Игоря и покаяние Гильома, уродливость гиганта печенега и свирепый облик великана Корсольта, которого побеждает в поединке Гильом и мн. другое). Более того, необходимо со всей определенностью заявить, что еще более явственные черты влияния "Жесты Гильома Оранжского" очевидны в былинном цикле о подвигах Ильи Муромца и особенно отчетливо проглядывают в былине "Илья Муромец и Идолище". Илья из Мурома — это русская и, вероятно, значительно более поздняя (XIII-XVI вв.) адаптация Тетлейфа-Вильхельма, Гильома-Хильома из Нарбонна-на-море. Действительно, откуда было взяться русскому богатырю во времена Владимира Красное Солнышко в Муроме X-го в. с его угро-финским населением?

По-видимому А.Д.Михайлов прав, решительно возражая против справедливости тройственного членения тематики французского героического эпоса, предложенного в начале XIII в. французским трувером Бертраном де Бар-сюр-Об, против правомерности обозначения цикла жест об идеальном преданном вассале, во всякий момент

готового выступить на защиту короля и "милой Франции", именем полностью вымышленого предка Гильома Оранжского Гарена де Монглана. Однако для нашего уровня и задач настоящего изложения оно вполне приемлемо, пусть как чисто условное, позволяющее внести некоторую систему в классификацию всей массы chansons de geste и ввести разделение их на три больших группы: во-первых, "королевская жеста", в которой центральной объединяющей и литературно продуктивной фигурой выступает французский король, чаще всего седобородый Карл Великий (или его эпические уменьшенные копии), олицетворяющий мудрого и справедливого властителя, неутомимого и могучего воителя против "неверных", "поганых", под которыми обобщенно подразумеваются все "нехристи" — и действительные язычники, и мусульмане, и еретики. Второй цикл жест, который можно объединить именем "доблестного Гарена де Монглана", мифического предка прославленной героизмом и доблестью семьи, некоего, чуть более реального "феодального гнезда" Эмеридов, или, следуя А.Д.Михайлову, с большим правом — именем Гильома Оранжского, отличающегося весьма капризным обидчивым нравом, но преданно служащего своему королю и родине и не раз выступавшего на защиту южных рубежей Франции. Третий цикл, связанный с именем Доона де Майанса (Майнцкого), живописует деятельность и фигуру буйного, свирепого и непокорного феодала, постоянно готового к междуусобной войне с соседями и даже против своего сюзерена — короля Франции. В сущности, в этих трех тематических направлениях французской жесты XI–XIII вв. с достаточной полнотой отразились типические исторические реалии и внутренне противоречивый характер политической жизни Франции эпохи крестовых походов: центростремительные тенденции, находившие выражение в попытках Людовика VII (1137–1180) и Филиппа II Августа вернуть былое и давно утраченное могущество королевской власти во Франции, и сепаратные устремления буйных и своевольных феодалов, ожесточенно сопротивлявшихся королевской политике. Та же картина наблюдается в жизни русских княжеств после распада империи Ярослава Мудрого на протяжении конца XI и в продолжении XII в. В литературном отражении эпохи присутствует в качестве идеи, способной объединить все противоборствующие силы, перманентная тема "реконкисты", тема борьбы с "неверными, вновь актуализированная и зазвучавшая в полный голос во время крестовых походов. В той или иной степени все эти исторические и литературные доминанты эпохи аккумулируются в "Песни о Роланде" и в "большой жесте Гильома Оранжского". Закономерно те же исторические реалии и литературные их отражения находят яркое и комплексное выражение в "Слове о полку Игореве".

Если перейти к аналитическому сопоставлению системы образов во французской жесте и в "Слове о полку Игореве", то первым бро-

сается в глаза уже не раз отмечавшееся сходство образа украшенного серебряной сединой великого Святослава киевского, упрекающего Ольговичей и других князей в своеволии, пролиающего слезы по поводу поражения отнюдь не приходящихся ему "племянниками" Игоря и Всеволода и организующего (согласно летописи) оборону Русской земли от вторжения "железных полков половецких" с образом мудрого старого и седобородого Карла, постоянными эпитетами которого неизменно служат определения "Великий" и "седобородый". Подобно Святославу он громит "неверных", он оплакивает поражение и гибель Роланда в Ронсевальской битве: "Везде всегда в ужасном горе буду теперь рыдать, племянник, о тебе..." Одно это именование Святославом своих двоюродных братьев Игоря и Всеволода племянниками ("сыновцами") однозначно указывает отнюдь не на типологическое сходство стилистики и топики "Слова" с французской героической жестой, в которой отношения дяди и племянника как важный составляющий компонент фабулы являются устойчивым топосом. Все характерные промахи, обусловленные инерцией подражания при центонном методе творчества, проявляются в данном случае наиболее зримо и очевидно. Однако наряду с чертами победоносного и могучего властителя ("грозный великий киевский") в эпическом образе Святослава присутствуют и не менее типичные для французской жесты черты слабого и порядком глуповатого властителя, неспособного в условиях феодальных междуусобиц сплотить князей в борьбе против "поганых" и даже отстоять свои собственные интересы, "не дать своего гнезда в обиду", роднящие его с образом слабого и беспомощного короля в "Коронований Людовика".

Такой же составной, можно сказать, даже диалектически-противоречивый характер носит в "Слове" изображение номинально центрального персонажа — князя Игоря, что свидетельствует о неординарно высоком, подлинно творческом уровне применения центонного метода автором "Слова". С одной стороны, Игорь, как потомок "Ольгова храброго гнезда", как представитель прославленного своей военной доблестью и, — не забывает добавить автор, — "буйностью" старого княжеского рода (ср. элемент неразумной дерзости, сумасбродства в психологической характеристике Роланда, того, что определено в жесте термином Дётезиге, имеющим далекую, но несомненную связь с античным понятием υβρις; — "надменность", "наглость", "дерзость", "своеволие", "необузданность", "оскорбление божественной воли", "вызов установленному миропорядку"), вполне сопоставимого с прославленным родом "доблестного Гарена де Монглана" или его эпических потомков — графа Эмери и его сына Гильома, "наполнившись ратного духа и поострив сердца своего мужеством, наводит свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую". Одновременно он произносит громкие и никак не мотивированные ни предыдущим контекстом,

ни общим содержанием произведения и поэтому на удивление фальшиво звучащие (не по авторской ли сознательной воле?) стереотипные рыцарские лозунги — **Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти. А всядемъ, братие, на свои бръзые комони...** — (ср. "Эй, французы, в бой обратно и ударим на врага. Лучше смерть на поле битвы,чем бесчестие и срам"[15]). Прекрасно известная современникам и даже нам печальная действительность превращает эти характеристики и лозунги в утонченную и не очень-то маскируемую насмешку автора над хвастливым, незадачливым и не слишком храбрым героем[16]. В этой части прямую аналогию образу Игоря составляет образ самоуверенного поначалу графа Тибо Буржского в "Песни о Гильоме", выступающего против сарацин в компании своего племяника Эстурми и племянника Гильома Оранжского Вивьена. Он также отказывается от помощи из желания не делить будущую славу ни с кем (ср. в "Слове" — **преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ**), но затем терпит сокрушительное поражение и бежит с поля битвы. Позорная сцена втаптывания графом Тибо в грязь собственного "белого стяга" представляет своеобразную параллель-антитезу сцене вручения князю Игорю трофейного "червленого стяга, белой хоругви" и имеет дополнительный идентифицирующий сигнификант в описании "мощения узорочьями половецкими болотистых и грязивых мест" в "Слове о полку Игореве". Многочисленные, адресованные не только Ольговичам, но и многим другим князьям двусмысленные эпитеты-обвинения-упреки в *"буйности" наводят на* ассоциации с эпическими характеристиками рода самовольного и вечно затевающего свары Доона де Майанса. В то же время сама эта острота обвинений властительных, но эгоистичных, недальновидных князей-современников, эта горячая заинтересованность автора "Слова" в ином развитии событий, выражающаяся в хуле на явном и скрытом уровнях поэтического текста (например, в комментирующем "открытый" текст акростихе он называет могущественного Всеволода Большое Гнездо Иудой[17]), служит, пожалуй, главным доказательством аутентичности и синхронности "Слова" своему времени, ибо кому бы пришло в голову в XVIII в. обрушиваться с такой страстностью, заинтересованностью и художественной изобретательностью на пороки и неблаговидное поведение русских князей XII в.

Более определенно и недвусмысленно положительные черты мужественного и самоотверженного героя, отчаянно храброго воителя, забывающего в пылу сражения с "погаными" обо всем и не обращающего внимания на полученные раны, сконцентрированы в "Слове" в образе "Буй-Тура Всеволода", сближающегося с образами Роланда в "Песни о Роланде", его побратима Оливье, Вивьена и самого Гильома из гильомовского цикла. Рамки статьи заставляют нас отказаться от приведения уже выявленных многочисленных и очень убедительных параллелей и тождеств на уровне мотивов

(например, характерного для жесты мотива "забвения в бою жен или возлюбленных", мотива нечувствительности к самым тяжелым ранам) и фразеологизмов типа

Погиб Роланд и не придет обратно.
Не воскресить его сребром иль златом,

устанавливающих перспективные связи между "Словом" и французской героической поэзией, даже если ограничиваться в сопоставлениях только "Песнью о Роланде" и жестами о Гильоме Оранжском.

Как весьма важный в плане аргументации синхронности "Слова" своему времени нужно отметить тот факт, что значительно раньше, чем в "Хронике Манассии" и у Гвидо де Колумниса, уже в конце XI- начале XII в. во вступлениях к старофранцузским жестам появляется идущий еще из античности от Ксенофана, Пиндара, Зоила, Платона и Аристотеля с их критикой "лжи" и вымысла Гомера (одновременно с признанием его поэтических заслуг) мотив "правдивости" настоящего автора в противовес "лживым басням" и "измышлениям" других песне-творцев. По связи с этим мотивом помянем и О. Сенковского, утверждавшего, что автор "Слова" был дружен с латынью и классической риторикой: ср., у Цицерона — non antiquo illo more, sed hoc nostro, **по былинамь сего времени, а не по замышленїю Бояню** — в "Слове о полку Игореве". Не останавливаясь детально на этом тематическом компоненте, ограничимся лишь одним примером исключительной стилистической и содержательно-смысловой близости самого начала "Слова" и экзордиума жесты "Монашество Гильома" с такими характерными перманентными составляющими, как предложение начать песню о деяниях сына такого-то и похвала предшественнику-песнетворцу. Непредвзятый глаз без труда устанавливает в нем почти полное смысловое, стилистическое и эмоционально-экспрессивное тождество с зачином "Слова о полку Игореве":

Угодно ль будет господам честным
Внять песне о деяниях былых?
Жонглеру знать ее сам Бог велит.
Хранится свиток с нею в Сен-Дени,
Хоть много лет никем не был раскрыт.
Достойный муж — тот, кто ее сложил.
В ней речь идет о сыне Эмери,
Которого Гильомом нарекли,
И о больших трудах, свершенных им.

Типология и "общность социально-исторических условий" бессильны объяснить практически полное синтаксическое и смысловое тождество первой фразы в вышеприведенном французском тексте — Угодно ль будет господам честным внять песне о деяниях былых? — и первой фразы "Слова о полку Игореве" — **Не лѣпо ли**

ны бяшеть, братие, начати старыми словесы трудныхъ повѣстий о полку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Можно, конечно, спорить, насколько точно обращение **братие** передает галантно-вежливое "господа честные", но, по моему, автор "Слова" безошибочно нашел форму вокатива, единственно возможную для русской литературно-письменной традиции и жизненных реалий своего времени.

Определение же "Гильом, сын Эмери" вполне эквивалентно по генеалогическому смыслу, этикетной значимости и форме "Игорю, сыну Святослава".

Зато стилистические каноны и типичная синтаксическая организация вступлений к французским жестам позволяют подвести типологическую базу под решение старой и много лет бесплодно обсуждаемой проблемы синтаксического строения и интонационо-смыслового наполнения первой фразы "Слова". При учете старофранцузских материалов резко повышается вероятность того, что эта фраза в содержательно-смысловом аспекте представляет собой действительно вопрос, хотя вопросительное значение синтаксической формы сильно ослаблено церемониально-риторической интонацией. Кроме того, на основе типологической параллели можно полагать, что словосочетание — **трудных повѣстий** это не определение к **старыми словесы**, а прямое дополнение к **начати** в форме родительного, но в синтаксической функции и значении винительного (партитивного?) падежа.

Валентина Дынник в 1941 г. как-то ухитрилась под прикрытием ультрапатриотической фразеологии высказать весьма рискованное в те времена суждение:

"... само название "трудная повесть" почти совпадает с названием "chanson de geste", которое буквально значит "песнь о подвигах"[18] (к тому же и автор "Слова" сам называет свое повествование песнью). Если бы нам понадобилось перевести французский литературный термин "chanson de geste" на русский язык XII в., то лучшего эквивалента, чем "трудная повесть" или "трудная песнь", пожалуй, не подобрать бы"[19].

Ну что ж, похоже, что в свое время искал и не нашел лучшего эквивалента и сам автор "Слова о полку Игореве".

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сенковский О.И. Рецензия на кн. Глаголева А. Умозрительныя и опытныя основания словесности. "Библиотека для чтения". 1834. Т. IV. Отдел 5. С. 5–7.

[2] **Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльного князя Новагорода-Сѣверского Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ**

исходѣ XII столѣтия съ переложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчие. М., въ Сенатской типографіи, 1800. С. VI.

[3] Текст "Поэм Оссиана" цитируется по изданию: Макферсон Джеймс, Поэмы Оссиана. М-, "Наука", 1983, перевод Ю.Левина. Далее ссылки даются непосредственно в тексте в форме: Название поэмы, номер страницы указанного издания.

[4] Вяземский П.П. Замечания на Слово о полку Игореве. СПб., 1875.

[5] Пиккио Р. Мотив Трои в "Слове о полку Игореве". — В кн.: Проблемы изучения культурного наследия. М., "Наука", 1985. С. 86—99.

[6] Буланин Д.М. Античность и "Слово". Энциклопедия "Слова о полку Игореве". СПб., 1995. Т. 1. С. 64.

[7] Струве П.Б. За свободу и величие России. — "Новый мир", 1991. № 4. С. 222.

[8] Перетц В.Н. "Слово о полку Игореве" и древнеславянский перевод библейских книг. — ИпоРЯС, 1930. Т. З. С. 289—309; см. также более ранние его публикации на ту же тему в ИОРЯС. Т. 29. 1925; там же. Т. 30. 1926.

[9] Барац Г.М. О библейском элементе в "Слове о полку Игореве". Киев, 1912.

[10] Кусков В. В. Связь поэтической образности "Слова о полку Игореве" с памятниками церковной и дидактической письменности XI-XII вв. // "Слово о полку Игореве". Памятники литературы и искусства XI-XVII веков. М., "Наука". 1978. С. 69—86.

[11] Сырцова Е.Н. Философско-мировоззренческие коннотации поэтики "Слова о полку Игореве" // Слово о полку Игореве и мировоззрение его эпохи. Киев., "Наукова думка". 1990. С. 41—67.

[12] Дынник В. "Слово о полку Игореве" и "Песнь о Роланде" // Старинная русская повесть. Статьи и исследования. М., Л., 1941. С. 53.

[13] Из многочисленных работ А.Н.Робинсона по указанной теме назовем только носящие итоговый характер, а именно: Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI—XIII вв. (в кн.: Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980. С. 219—235), а также — "Слово о полку Игореве" и героический эпос Средневековья (Вест. АН СССР, М., 1976. № 4. С. 104—112).

[14] Михайлов А.Д. Жеста Гильома // Песни о Гильоме Оранжском. М., "Наука", 1985. С. 476. Необходимо отметить, что А.Д. Михайлов указал на весьма яркую параллель между "Похвалой курянам" и описанием молодого рыцаря во французской поэзии XIII в. (Об одной старофран цузской параллели "Слову полку Игореве" // Исследования о полку Игореве". Л., "Наука", 1986. С. 87—90. См. также более раннюю публикацию: Айналов Д.В. Дві замітки до "Слова о полку Ігоревім" // Записки історичної і фільольогічної секції Украіні. Наукового Товариства в Киïв. Киïв, 1918. Кн. XVII. С. 92—97, в которой также речь идет о параллели к "Слову" в поэзии французских труверов (если не об одной и той же), повествующей о воспитании рыцаря: "он рожден мечом, выкормлен шлемом, щит был его колыбелью".

[15] Это отрывок из испанского романса "В день воскресный, в праздник вербный" на тему Ронсевальской битвы в пер. Ю.Б.Корнеева. Испанский

текст см.: M. Menendez y Pelayo. Antologia de poetas liricos castellanos. Madrid, 1899. T. IX. P. 108.

[16] А.А. Смирнов указывал на существование в раннефранцузской эпической традиции в эпоху Каролингов так называемых "злых песен" про трусов. В значительной степени эта боязнь прослыть недостаточно мужественным и храбрым и обрекает Роланда и его воинство на гибель в Ронсевальском ущелье. Игорь, призывавший братию и дружину лучше погибнуть, чем сдасться в плен, в битве на Каяле сам отнюдь не последовал собственному призыву и вполне заслуживал, по меркам своего времени, очень "злых песен". Второй уровень семантического наполнения "Слова", вскрываемый при структурном анализе текста и поэтических фигур "Слова", позволяет с большой степенью надежности утверждать, что ощутимая и в "открытом" тексте хула Игорю звучит в поэме на "прикровенном" уровне более сильно и резко.

[17] См. Гогешвили А.А. Акростих в "Слове о полку Игореве и других памятниках русской письменности XI-XIII веков. М., 1991. С. 182–183.

[18] Французское слово "geste" многозначно и может, в зависимости от грамматического рода, контекста и стилистики жанра, интерпретироваться как "поступок", "деятельность", "труд", в том числе, — воинский, "предприятие", "поход", "подвиг", "деяние", а также "эпическая поэма", "героическая песнь или повесть".

[19] Дынник В. "Слово о полку Игореве" и "Песнь о Роланде"... С. 58.